

Библиография

ЧТЕНИЕ СЕГОДНЯ

Евгений Савицкий

Аналоговое чтение, цифровые туземцы и наследие немецкого идеализма

Benesch K. Mythos Lesen: Buchkultur und Geisteswissenschaften im Informationszeitalter.

Bielefeld: Transcript, 2021. — 94 S. — (Wie wir lesen — Zur Geschichte, Praxis und Zukunft einer Kulturtechnik; Bd. 2).

Изданное отдельной книгой эссе профессора Мюнхенского университета Клауса Бенеша «Миф о чтении: книжная культура и гуманитарные науки в информационную эпоху» начинается с критики идеи о том, что способность к сосредоточенному чтению сложных и длинных текстов является важным культурным навыком, за сохранение которого стоит бороться в цифровую эпоху, когда, как кажется, он все больше утрачивается. В частности, Бенеш оспаривает высказанное одним из немецких политиков мнение, что даже обезьяна может пользоваться смартфоном и что в будущем будет проложена четкая линия разделения между теми, кто способен к концентрации внимания, чувствованию в текст, самостоятельному суждению о нем, и теми, кто лишь реагирует на пиктограммы и ориентируется в повседневной жизни при помощи про-

грамм распознавания речи. Таким образом, за способностью к чтению и письму признается важнейшая роль в социальной дифференциации, а общество делится на интеллектуальную элиту и «цифровых идиотов». В подобных высказываниях

Бенеш видит интеллектуальное высокомерие, широко распространенное не только среди политиков, но и в университетской среде.

Триада «концентрация — вчувствование — суждение» восходит, по мнению автора, к эпохе романтизма, когда работа с текстами приобрела особое моральное измерение. Эстетический опыт, частью которого является чтение, создает условия, без которых моральные суждения невозможны. Так, Ф. Шиллер в «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1793) доказывал, что только гармоничное единство познавательной деятельности и эмоционального настроения делает возможным сохранение всеобщих действенных правил морального поведения. Именно в эту эпоху складывается идеал общества образованных граждан (*Bildungsbürgertum*), который и сегодня многие пытаются отстаивать, защищая его от якобы разлагающего влияния постов в фейсбуке или твиттере. Здесь Бенеш, очевидно, следует за целым рядом авторов, начиная с Т. Адорно, М. Хоркхаймера («Диалектика просвещения», 1944) и Т. Манна («Доктор Фаустус», 1947), — авторов, видевших исток многих проблем немецкого общества XX и даже XXI вв. в интеллектуальной культуре Просвещения и романтизма. Следует, однако, отметить, что просвещенческая и постпросвещенческая эстетика не столько сводили, сколько разводили вопросы эстетики и морали. Уже Кант в «Критике способности суждения» (1790) последовательно разграничивает категории прекрасного и хорошего, нередко смешивавшиеся у более ранних авторов, начиная с греков с их идеалом калокагатии. В самом начале «Аналитики прекрасного» он приводит характерный для революционных времен пример с чрезмерно роскошным дворцом некоего правителя, который мы можем считать ничем не оправданным излишеством: «Я могу вполне в духе Руссо порицать тщеславие вельмож, которые не жалеют народного пота на такие вещи, без которых можно обойтись». Такого рода моральную критику можно, по словам Канта, «допустить и одобрить», но «не об этом теперь речь». Как он пишет, «для того чтобы сказать, что предмет прекрасен, и доказать, что у меня есть вкус, важно не то, в чем я завишу от существования предмета», то есть мое моральное негодование как подданного не имеет к эстетике никакого отношения¹. Также Шиллер, писавший свои «Письма...» под впечатлением от прочтения Канта, не столько подчиняет искусство целям морали, сколько стремится ограничить притязания природы и морали ради свободы, которая возможна в искусстве как игре, где различные противоположные по своему характеру стремления и требования теряют свою категоричность. По мнению Шиллера, в прошлом такого рода гармония устремлений была ненадолго достигнута греками, и прочитавший «Письма...» романтик Ф. Шлегель в статье «О школах греческой поэзии» (1794) хвалит афинян, достигших вершин в искусстве, за «предельную моральную и интеллектуальную гибкость», противопоставляя их творения более ранней дорийской школе с ее «приверженностью нравам и вере отцов» и ионийской школе с ее избытком природных жизненных сил².

И тем не менее виноватыми оказываются романтики. Далее Бенеш задается вопросом: полезно ли приравнивание образованности к навыку серьезного чтения? И не вредят ли сами себе гуманитарные науки, настаивая на его необходимости? Ведь по мере того, как мы все больше погружаемся в цифровую эпоху, количество людей, уделяющих время серьезному чтению, год от года сокращается. Так, только за пять лет — с 2013 по 2017 г. — шесть миллионов немцев перестали покупать книги или брать их в библиотеках. Напротив, онлайн-сервисы постоянно рас-

1 Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2006. С. 148, 149.

2 Шлегель Ф. О школах греческой поэзии // Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 47, 45.

ширяют свою долю на рынке развлекательных медиа. Заметим, что автор начинает с тезиса о сокращении «серьезного» чтения, подкрепляет его статистикой об использовании вообще всяких книг, а затем пишет в целом о развлекательном сегменте интернета. Дело, однако, по мнению Бенеша, не только в возрастающей привлекательности онлайн-сервисов, но и в том, что вообще в современной культуре все меньше ценятся такие доблести, как усидчивость, внимательность, способность к углубленному занятию чем-либо. Все это ассоциируется с подчинением (внутренней) дисциплине, выработкой и насаждением репрессивных норм восприятия, подавлением, начиная с детства, естественных желаний и прочими атрибутами тоталитарных обществ.

Есть антидемократизм и в том, что для чтения сложных книг требуется много времени, а далеко не всякий располагает долгими часами досуга, когда можно сидеть и неспешно разбираться с несколькими абзацами текста. Такие книги в наше время оказываются, по выражению Бенеша, «ролексами» для интеллектуалов», и, соответственно, они не могут получить широкого распространения. Их пишут немногие для тех немногих, кто способен их оценить. Сложная литература выступает как бы замедлителем современной жизни, и в этом плане Бенеш соглашается с У. Эко, писавшим, что «в современном индустриальном обществе социальные перемены, непрерывное появление новых кодов поведения, забвение традиции требуют повествований, основанных на избыточности. В таком свете чрезмерные нарративные структуры означали бы любезное приглашение отдохнуть, способ расслабиться»³. Следует отметить, что цитирование Эко выглядит здесь не вполне уместным, поскольку в его статье речь шла не о серьезной литературе, а о литературных «сериалах» XIX в. в сравнении с современными автору детективными циклами, и возможность отдохнуть была связана не с наличием времени, а с включенностью писателей и читателей в культурную традицию, с предвидимым характером сообщений, позволяющим вести «спокойную, без потрясений, жизнь». Традиция, по Эко, позволяет сохранить ориентацию в «потоке перегруженных сообщений», но ее забвение в современном индустриальном обществе делает необходимым производство литературой избыточных повествований, компенсирующих утрату: «Привлекательность книги, чувство успокоения, психологического комфорта, которые она способна вызвать, исходят из того, что читатели, развалившиеся в удобном кресле или в купе поезда, постепенно обнаруживают то, что они уже знают...»⁴

Как полагает Бенеш, современному читателю расслабиться уже не удастся: поле современной художественной и научной литературы становится необозримым и требует читать все больше. Несмотря на падающие тиражи, скорость, с которой пишутся все новые книги и статьи, неуклонно растет, и даже ускорение чтения не позволяет уже сохранить целостное видение современной интеллектуальной жизни. Соответственно, утрачивается общий «культурный архив», с которым можно было соотносить новые издания, а без него размываются критерии новизны литературы, она становится бескрайним множеством, которое невозможно структурировать⁵. Раньше представлялось необходимым прочитать то, что знали другие, быть сопричастным общим культурным стандартам, теперь же этот стимул исчезает. Бенеш соглашается с Ф. Моретти, отмечавшим, что рост количества издаваемых книг приводит к тому, что, с одной стороны, читательские интересы стано-

3 Эко У. Инновация и повторение: между эстетикой модерна и постмодерна / Пер. А. Усмановой // *Философия эпохи постмодерна* / Под ред. А. Усмановой. Минск, 1996. С. 55.

4 Там же.

5 О кризисе новизны ср.: *Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры*. М., 2015.

вятся все более специализированными и фрагментарными, а с другой — люди читают все быстрее и потому более поверхностно, иначе не поспеть за новинками. Исчезает распространенная во времена дефицита новых книг и почтительного отношения к ним практика многократного прочтения⁶.

В кризисе чтения отчасти виновато и само литературоведение. Бенеш ссылается на филолога Х. Шлаффера, писавшего, что во второй половине XX в. литература как исследовательский объект в значительной мере исчезла. Уже в 1960-е гг. филология отказалась от унаследованных из классической традиции определенных «произведения» и начала заниматься текстами в самом широком смысле. Все больше внимания стало уделяться социальным условиям производства и рецепции текстов. Исследователей интересовал не столько смысл текста, сколько его формальные структуры, его сложная многозначность или даже апории прочтения. Все это привело к тому, что литература все больше превращалась в иллюстрацию модных теорий. По мере создания в 1960—1970-х гг. большого числа новых университетов в Европе и США росло и количество профессоров-литературоведов, которым, чтобы стать заметными, нужно было производить все более эксцентричные теоретические построения. Шлаффер указывал на то, что такое литературоведение не столько помогает обычным любителям литературы в прочтении текстов, сколько отпугивает их. Следовательно, именно литературоведение создало кризис чтения, а не наоборот, и преподавателям литературы не следует считать себя пострадавшей стороной, когда они встречаются со студентами, не умеющими читать и знающими литературные произведения в лучшем случае по экранизациям⁷.

Бенеш, однако, не уверен в том, что литературоведение когда-либо обладало тем нормативным авторитетом для читателей, который приписывает ему Шлаффер, и пишет, что вину исследователей не следует преувеличивать. Сам вопрос о вине подразумевает, что упадок чтения есть нечто негативное и все, что к нему приводит, заслуживает осуждения, но такая трактовка, по мнению автора, связана с сохраняющимся «балластом» идеалов высокой образованности, с нежеланием признать, что наряду с чтением есть и другие, столь же легитимные, способы будить человеческое воображение. Вслед за Э. Орбен, писавшей о «сизифовом цикле технологической паники»⁸, Бенеш отмечает, что смартфоны несут с собой не больше угрозы, чем появление в свое время романов, радио или телевидения, об отрицательном влиянии которых на подрастающее поколение некогда много говорилось. Подобно Сизифу, мы каждый раз заново проделываем тяжелый и бессмысленный путь борьбы с новыми медиа — прошлый опыт нас ничему не учит.

Технофобия университетских преподавателей, отмечает Бенеш, проявилась особенно ярко с началом пандемии в 2020 г., когда раздавались требования вовсе отменить занятия, а не переводить их в дистанционный формат, якобы делающий невозможным качественное образование. На деле оказалось, что страхи были в основном необоснованными, и платформы вроде «Zoom» или «Moodle» содержат в себе много возможностей, недоступных при очном обучении. При этом, отмечает Бенеш, долгое время преподававший в США, немецкие университеты в целом отличаются большим техническим невежеством и нежеланием учитывать новые реалии цифровой культуры, чем американские. Такой консерватизм, однако, приведет

6 *Moretti F.* Graphs, Maps, Trees. Abstract Models for Literary History. L., N.Y., 2005.

7 *Schlaffer H.* Die eingebildete Kranke. Lesen ist mühsam. Die klassische Literatur ist ins Exil geraten // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 1997. № 208. S. 6.

8 *Orben A.* The Sisyphian Cycle of Technology Panics // *Perspectives on Psychological Science*. 2020. Vol. 15. № 5. P. 1143—1157.

к тому, что ориентированные только на книжную культуру гуманитарные науки будут занимать все более ограниченную нишу, подобную той, в которой находятся сейчас любители виниловых пластинок или ламповых приемников. При этом, напоминает Бенеш, содержание многочисленной «аналоговой профессуры», претендующей к тому же на пенсионные выплаты, обходится обществу куда дороже хранения старых пластинок. Едва ли к устаревшим гуманитариям будут относиться столь же бережно.

По мнению автора книги, современные университеты должны приспособить свои практики передачи знаний к цифровой эпохе, иначе будет потерян контакт с молодежью. При этом уже в альтернативной педагогике первой половины XX в. — у Р. Штейнера, М. Монтессори, А.С. Нилла — делались попытки уйти от обучения, основанного на книгах. Бенеш также вспоминает слова Ницше из книги «Так говорил Заратустра» (1883): «Еще одно столетие читателей — и дух сам будет смердеть. То, что каждый имеет право учиться читать, портит надолго не только писание, но и мысль»⁹. Ницше заявлял, что «ненавидит читающих бездельников»¹⁰. Бенешу важны в этих цитатах не антидемократические выпады Ницше, а связь чтения с жизненной пассивностью, на которую он указывает. Именно с таким подавляющим живую активность обучением пыталась бороться экспериментальная педагогика. Но тем не менее и в XXI в. неусидчивость детей и подростков, их нежелание или неспособность спокойно сидеть и читать длинные тексты трактуется как нуждающийся в лечении «синдром дефицита внимания и гиперактивности»¹¹. Ряд исследований показывает, что в цифровую эпоху под влиянием новых медиа количество таких расстройств существенно возрастает; привлечение и удержание внимания учеников в школе — равно как и потребителей товаров во время просмотра ими рекламы — требует особых усилий¹².

В то же время указывалось и на сомнительность психофизических определений норм внимательности у детей и взрослых, их связь с репрессивной педагогикой, с эйджистскими и европоцентристскими стереотипами¹³. Бенеш соглашается с тем, что от оценочного противопоставления внимательности и невнимательности нужно уходить. Ценной является как способность к углубленному чтению длинных текстов, так и способность совершать скачки, думать одновременно о разных вещах, умение скользить по поверхности. Вслед за американским филологом Н.К. Хейлс, автором книги «Как мы думаем: цифровые медиа и современный техногенезис»¹⁴, Бенеш пишет, что «цифровые туземцы» (digital natives) думают иначе, и отличия их мышления заметны в том, какие области мозга у них более развиты. Поэтому их можно обучать, например, при помощи компьютерных игр: последние широко используются в американских университетах в курсах по литературе и доказали свою эффективность, поэтому, как считает автор, этот опыт надо рас-

9 Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 29.

10 Там же. С. 28.

11 См., например: Hechtman L. Attention Deficit Hyperactivity Disorder. Oxford, 2017; Tomb D.A., Wender P.H. ADHD: A Guide to Understanding Symptoms, Causes, Diagnosis, Treatment, and Changes over Time in Children, Adolescents and Adults. Oxford, 2017.

12 Lyle Skains R. Digital Authorship: Publishing in the Attention Economy. Cambridge, 2019; Bhatt S. The Attention Deficit: Unintended Consequences of Digital Connectivity. N.Y., 2019; Communication in the Era of Attention Scarcity / Ed. by W. Doyle, C. Roda. N.Y., 2019.

13 Crary J. Suspension of Perception: Attention, Spectacle, and Modern Culture. Cambridge, MA, 1999.

14 Hayles N.K. How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. Chicago, 2012.

пространить и на немецкие университеты. Так, роман У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом» (1936) ставит читателя перед множеством загадок: кем на самом деле являются действующие лица, что ими движет, что скрывается за происходящими событиями?.. Разбирать все это довольно сложно, однако роман, по мнению Бенеша, может быть раскрыт через нарративные стратегии современных компьютерных игр — с их помощью разобраться в нем молодым читателям будет намного проще.

Рассинхронизированность времени и множественные идентичности в современной медиасреде помогут студентам, считает Бенеш, лучше понять модернистскую прозу. Записи в фейсбуке позволяют хорошо освоить такие художественные приемы, как наигранная наивность или ироничное противопоставление, и почему бы не использовать социальные сети для объяснения устройства художественных произведений, в особенности автобиографических нарративов. Многие экранизации литературных произведений, критикуемые Шлаффером, оказываются более тонкими истолкованиями текстов, чем иные текстовые комментарии, порой они даже лучше самого экранизируемого оригинала, поэтому их тоже следует использовать в обучении. В то же время, полемизируя с Ф. Киттлером, выступавшим за максимальную интеграцию филологии в современную медиасреду, Бенеш считает все же необходимым рассматривать литературу обособленно от других медиа, при этом интермедialные сопоставления позволят лучше выявить ее специфику.

Особенно активно автор спорит с М. Нуссбаум, выступившей в защиту изучения литературы и вообще гуманитарных наук в университетах — то есть против сокращения их преподавания в пользу более современных и экономически целесообразных дисциплин¹⁵. По мнению Нуссбаум, без литературы невозможно воспитание сознательных граждан, ведь только она позволяет нам на время вообразить себя на месте других людей, не превращаясь в них полностью, и таким образом осознать многообразие социального опыта, без чего демократическое общество невозможно. Возражая Нуссбаум, Бенеш начинает издали — с вышедшей в 1664 г. «Микрографии» Р. Гука. Эта книга позволяет увидеть, с одной стороны, преимущества детального разглядывания мельчайших предметов, а с другой — то, как микроаналитическое видение может исказиться христианским верованием, когда ученый видит в научных объектах отражение собственных предубеждений. Нечто подобное происходит и с углубленным, или «пристальным» чтением (*close reading*), которое зачастую игнорирует свою же идеологическую ангажированность. Так, целью Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса было разработать инструментарий, при помощи которого учащиеся могли бы делать верифицируемые утверждения об устройстве поэзии, не основываясь при этом на субъективных впечатлениях и смутных эмоциональных переживаниях. Только в медленном, «пристальном» чтении удастся выявить структурное единство поэтической формы, содержания и значения. Поэзия — это сложные художественные творения, но их функционирование можно описать так же, как и механический аппарат. До 1960-х гг. возникшая под влиянием Огдена и Ричардса «новая критика» была доминирующим подходом к изучению литературы в США, но ее успех, как отмечает Бенеш, был связан не только с ореолом новизны, техницизма и строгой научности, но и с тем, что большинство «новых критиков» происходили из экономически отсталых южных штатов, и в новой методологии они видели средство защиты гуманитарных наук от стереотипов экономического мышления. Несмотря на то что теория Огдена и Ричардса была

15 Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / Пер. А. Смирнова. М., 2014.

антиромантической, направленной против вчувствования и самоидентификации с текстом, «пристальное чтение» рассматривалось как залог автономии сферы искусства: основным объектом изучения был текст, а не воздействующие на него внешние факторы.

В 1960—1970-х гг. под влиянием разных контркультурных движений практики «пристального чтения» стали рассматриваться как слишком элитарные, игнорирующие общественные реалии и, следовательно, псевдонаучные. Возникает мода на «исследования культуры», для которых литературный текст был лишь одной из форм культурной репрезентации среди многих. В последующие десятилетия «пристальное чтение» было вытеснено разными психологизирующими, деконструктивистскими и новоисторицистскими подходами. Однако в наше время перед лицом экспансии цифровой культуры прежние навыки чтения (углубленной работы с текстом, изучения литературы именно как литературы) вновь возвысились в глазах филологов.

По мнению Бенеша, этот поворот (так же, как и в 1940—1950-х гг.) является консервативной реакцией на уменьшающееся значение филологии перед лицом новых востребованных дисциплин, связанных с информатикой, математикой и техникой. Кроме того, к филологии и другим гуманитарным наукам стали предъявляться требования, основанные на неолиберальных экономических концепциях. Научная работа начинает контролироваться на основе критериев, связанных с количеством и скоростью, с возможностью привлечения дополнительного финансирования и выстраивания коопераций с бизнесом. Все это трудно совместимо с представлениями о свободной науке, культивирующей способности критического чтения. Именно поэтому Нуссбаум и выступила с лозунгом: «Не прибыли ради», отстаивая принципиальную важность антикапиталистической структуры гуманитарного знания.

В этих условиях «новая критика» с ее представлением об автономности художественного произведения, о несводимости его к внешним факторам стала казаться верным орудием для защиты от «цифровых гуманитарных наук» (*digital humanities*), тем более что и у нее самой был техницистский подтекст. При этом еще до начала пандемии, сделавшей популярными сервисы дистанционного образования, в аудиториях стали активно использоваться проекторы, смартборды, демонстрации видео и презентаций, что подорвало статус книжного текста. «Культурные исследования» в духе Бирмингемской школы необратимо разрушили канон великих литературных произведений; не менее заметное положение занимают теперь история фотографии или компьютерные игры. С учетом этого отступление в старые теоретические бастионы не решает, по мнению Бенеша, проблемы анахронизма филологии в современном медийном обществе.

Бенеш сравнивает Нуссбаум с Ханной Арендт, которая в книге «*Vita activa, или О деятельности жизни*» (1958) критиковала некоего журналиста за фразу: «Сделан первый шаг к бегству из земной тюрьмы», — написанную по поводу запуска первого спутника в 1957 г.¹⁶ По мнению Арендт, это проявление техницистского понимания человеческой свободы, которое связано с забвением подлинного бытия. С одной стороны, происходит отчуждение от нашего непосредственного окружения, поскольку, как пишет Арендт по поводу авиации и космонавтики, «всякое уменьшение отдаления на Земле может быть достигнуто только ценой возросшего отдаления человека от Земли, то есть ценой решительного отчуждения человека от его непосредственного земного жилья»¹⁷. С другой стороны, «науки говорят се-

16 Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. В. Библихина. СПб., 2000. С. 7.

17 Там же. С. 332.

годня на языке математических символов, который первоначально был задуман как сокращение для словесных выражений, но давно от этого эмансипировался и состоит теперь из формул, никак не поддающихся обратному превращению в речь. Ученые поэтому живут в безъязыком мире, откуда им как ученым не выбраться». Между тем «все, что люди делают, познают, испытывают или знают, становится осмысленным лишь в меру возможности говорить об этом»¹⁸. В технизированном мире люди обращаются к языку все меньше, и это закрывает для них как возможность истины, так и понимание подлинной свободы. Активная практическая деятельность не оставляет места для осмысления того, ради чего стоило бы освобождаться. Как отмечает Бенеш, слова Арендт, хотя и написанные за тридцать лет до изобретения компьютеров, звучат актуально и сегодня.

Еще раньше с критикой представления о работе как о добродетели и с призывами к «творческому ничегонеделанию» выступил Б. Рассел в «Похвале праздности» (1932)¹⁹. Бенеш, однако, считает, что сегодня даже и праздность включена в прагматику креативного капитализма, то есть не является его альтернативой. Так, Академия художеств в Гамбурге объявила не так давно о стипендиях за хорошо обоснованные творческие стратегии безделья. Чтение же само по себе может иметь самые разные социальные последствия, не обязательно связанные с демократией или этической сознательностью, за которые ратует Нуссбаум. В качестве примера Бенеш ссылается на книгу Т. Лакёра о культурной истории мастурбации²⁰, в которой доказывается, что распространение индивидуального чтения в Европе Нового времени привело к росту занятий самоудовлетворением, — не потому, что люди читали какие-то особенные книги, а потому, что всякая литература приводит к большому развитию воображения. Другой пример Бенеша — получивший докторскую степень по филологии Й. Геббельс, автор романа, нескольких пьес и стихов, обладатель обширной библиотеки и любитель чтения²¹. Эти исторические прецеденты служат Бенешу доказательством, что чтение как таковое, даже профессиональное чтение филолога, не может претендовать на особое этическое значение. Кроме того, многие функции литературы, связанные с представлением опыта других людей, сочувствием чужой беде, осмыслением многообразия мира, вполне могут выполнять и другие медиа.

Представление о том, что в неолиберальной системе гуманитарные науки могут вести, по выражению Адорно, «подлинную жизнь среди ложного», Бенеш считает утопией. Он, однако, не делает (в отличие от Адорно) вывод, что надо как-то избавляться от ложного мира. Критикуя Нуссбаум за якобы исповедуемый ею изоляционизм, Бенеш заявляет, что надо «смотреть в лицо силам негативности». Цитируя «*Minima moralia*» Адорно, он пишет, что сегодня есть две категории людей: тех, кто вынужден соучаствовать во всем, так как не может выжить иначе, и тех, кто может себе позволить держаться в стороне и потому действительно так делает, не желая быть ни к чему причастным. Такое деление — ровно то, что нужно для стабильности существующего порядка²². Адорно писал об этих двух типах в связи с Прустом, который, по его мнению, стремился избежать такой раздвоенности: работал независимо и оспаривал существующие ограничения. В самом конце книги Бенеш подчеркивает важность этой задачи и для нас.

18 Там же. С. 10, 11.

19 Ср.: *Odell J. Now to Do Nothing: Resisting the Attention Economy*. L., 2019.

20 *Laqueur T. Solitary Sex: A Cultural History of Masturbation*. Cambridge, MA, 2003.

21 Его диссертация была посвящена писателю эпохи романтизма В. фон Шютцу.

22 *Adorno T.W. Minima moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Berlin, 1951. S. 20.

Выше Бенеш упоминал о Прусте в связи с опытом американской журналистки Сары Боксер, которая прочитала все тома «Поисков утраченного времени» с экрана телефона и затем поделилась с миром своими переживаниями²³. Ей казалось, будто она плывет в бескрайнем море букв, вдали от любых берегов, как капитан Немо, и каждое прикосновение к экрану будто поворот руля, погружающий ее подводную лодку еще глубже в волны впечатлений от текста. Не имея возможности делать пометки на полях, она писала сама себе сообщения, а на следующее утро читала их, как если бы это была почта из мира Пруста, и заново открывала для себя магическую силу языка великого писателя. Поводом для эксперимента стала возможность скачать на телефон все тома Пруста бесплатно, однако Бенеш делает акцент на романтичности ночных переживаний Боксер, на интенсивности переживаемого ею наслаждения, как бы указывая своим оппонентам, подозреваемым в скрытом романтизме, что они многое теряют, не читая литературу подобным образом. Бенеш завершает книгу пророчеством: «Придет время, когда гуманитарные науки не будут больше отгораживаться от перепрочтения “В поисках утраченного времени” Пруста на смартфоне, и никаких “но” и “если”!»

Таким образом, «смотреть в лицо силам негативности» означает скорее готовность к приятному сотрудничеству, чем борьбу с ними. Гуманитарные науки как бы балансируют между бездной небытия, куда повергает их собственный консерватизм, и спасительным садом малоизведанных еще наслаждений. В то же время, солидаризируясь с Адорно, автор в итоге соглашается использовать морально-политическую рамку для рассмотрения вопроса о чтении, которую сам же поначалу критиковал, и две противопоставляемые позиции — возрождающаяся «новая критика» и цифровое литературоведение — смыкаются в своей нравоучительности. Кант в «Критике способности суждения» поставил возмущавшегося дворцами Руссо в один ряд с «ирокезским сахемом, которому в Париже ничто так не понравилось, как харчевни»²⁴. Призыв преодолеть смертельную для филологии и других гуманитарных наук дихотомию между аналоговыми профессорами и «цифровыми туземцами» подразумевает, что эта дихотомия верна и фатальна, но, может быть, к ней стоит отнестись с долей романтической иронии.

23 Как отмечает Бенеш, статья была опубликована в «The Atlantic» — одном из главных интеллектуальных журналов США, являющемся «последним бастионом либерального дискурса» и финансируемом вдовой С. Джобса: *Boxer S. Reading Proust on My Cellphone // The Atlantic*. 2015. June (<https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/06/reading-proust-on-my-cellphone/480723/>).

24 *Кант И.* Указ. соч. С. 148.